

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ
ЭДВАРДА Т. ХОЛЛА**

О. Л. Гутько

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *gutko_olga@mail.ru*

Антропологические характеристики языка разнятся представлением о пространстве у примитивных этносов и цивилизованных народов. Э. Т. Холл, исследуя тексты художественной литературы, структурирует описание событий и переживаний персонажей произведений через дистанцирование от собеседника и место описания действия.

Автор статьи обращается к произведениям белорусских писателей В.С. Короткевича и А.М. Адамовича для выявления в текстах принципа дистанцирования и связанных с ним характеристик пространства.

Ключевые слова: дистанцирование; личная и социальная зоны; панорамное зрелище; «крупный план»; сближающее и отдаляющее измерение.

**ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF COMMUNICATION IN THE CONCEPT
OF EDWARD T. HALL**

O. L. Gutsko

Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya st. 17, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *gutko_olga@mail.ru*

Anthropological characteristics of language differ in the concept of space among primitive ethnic groups and civilized peoples. E. T. Hall structures the description of events, exploring the texts of fiction, and experiences of the characters of the works through distancing from the interlocutor and the place of the description of the action.

The author of the article refers to the works of Belarusian writers V. Korotkevich and A. Adamovich to identify the principle of distancing and the associated characteristics of space in the texts.

Key words: distancing; personal and social zones; panoramic view; «close-up»; bringing together and distancing dimension.

Эдвард Холл в монографии «Скрытое измерение», обращаясь к наследию Франца Боаса – первого антрополога, подчеркнувшего взаимосвязь между языком и культурой, определяет глубокие закономерности связи литературы, художественного текста и культурной среды. Лексический анализ обычно связан с изучением экзотических культур мира. Бенджамин Ли Уорф в своей работе «Язык, мысль и реальность» предположил, что каждый язык играет важную роль в формировании восприятия мира людей, которые его используют. Исследователь отмечает важные для современной науки аспекты: «...ни один индивид не может описывать природу с абсолютной беспристрастностью, но ограничен определенными способами интерпретации, даже если он считает себя наиболее свободным» [3, p. 92].

Б. Л. Уорф сравнил словари английского и язык индейцев хопи. Он отметил, что хопи строят солидные каменные дома, но им не хватает слов для обозначения трехмерных пространств; нет эквивалентов комнаты, зала, коридора, склепа, подвала, чердака и т. д. Более того, исследователь отметил: «Общество хопи не выявляет никакой индивидуальной собственности или отношения комнат» [3, p. 93].

Эдвард Сепир, учитель и наставник Бенджамина Ли Уорфа, убедительно пишет об отношении человека к объективному миру: «Совершенно иллюзорно воображать, что человек приспособливается к реальности без использования языка и что язык – это просто случайное средство решения конкретных проблем общения или размышления. Дело в том, что «реальный мир» в значительной степени построен на языковой привычке группы» [3, p. 93].

Используя исторический подход, современный французский писатель Жорж Маторе в работе «Человеческое пространство»

анализирует метафоры в литературных текстах как средство достижения концепции того, что он называет бессознательной геометрией человеческого пространства. Его анализ указывает на значительное отличие от пространственных образов эпохи Возрождения, где геометрическое и интеллектуальное восприятие мира перемещает акцент на «ощущение» пространства. «Сегодня идея пространства использует больше динамики и выходит за рамки визуального в гораздо более глубокое, чувственное пространство» [3, р. 94].

Э. Т. Холл задался вопросом, можно ли использовать литературные тексты как данные исследования, а не просто как описание. Для этого необходимо было бы изучать литературу не только для удовольствия или понимания общей темы или сюжета, но и для структурного анализа текста, чтобы определить ключевые компоненты сообщения, которое писатель предоставил читателю для построения его собственного понимания пространства. Следует помнить, что общение предполагает несколько уровней; то, что актуально на одном уровне, может быть совершенно неважно на другом. Задача Эдварда Холла заключалась в том, чтобы выделить уровень, содержащий ссылки на сенсорные данные. Антрополог исследовал отрывки из текстов всемирно известных авторов – Уильяма Шекспира, первым в англоязычной литературе создавшим эффект воображаемого пространства, Уолдена Торо, подчеркнувшего значимость дальней дистанции для вербализации мысли собеседников. Приведем пример описания из произведения Торо: «В моем доме мы были так близко, что ничего не слышали... Если мы просто болтливые и громкие, тогда мы можем позволить себе стоять очень близко друг к другу, нос к носу, и чувствовать дыхание друг друга; но если мы будем говорить сдержанно и вдумчиво, мы хотим находиться подальше друг от друга, чтобы ароматы и запахи других не могли быть достигаемы для нас» [3, р. 95].

В этом отрывке Торо акцентирует внимание на тезисы, повторенные в работе Эдварда Холла. Потребность собеседника оставаться за пределами обонятельных и тепловых зон (зон,

в которых можно услышать запах дыхания и ощутить тепло другого человека), и чувство отражения звука от стены, чтобы громко высказать важную мысль, указывает на использование некоторых из бессознательных механизмов определения расстояния.

В романе Сэмюэля Батлера «Путь всякой плоти» Э. Т. Холл указывает, какие способы использует мать, манипулируя чувствами своего ребенка. Она приближает его на максимально близкое расстояние, берет в руку его кисть и ведет разговор на волнующие ее темы. Сэмюэль Батлер намеренно использует сближение в описании. Эффект физической близости и контакта, тон голоса, горячий прилив беспокойства, ощущение его вздрагивания показывают, насколько глубоко проникла мать в личную «зону» сына Эрнеста.

Исследование характера дистанций в произведениях Марка Твена, Антуана де Сент-Экзюпери, Франца Кафки, Ясунари Кавабата подтверждает, что писатели намеренно используют сближение и отдаление в расстоянии между персонажами, чтобы показать их отношение к происходящему, вскрыть духовную связь и характер коммуникации между ними.

Если исследовать художественную литературу на предмет структуры, а не содержания, можно найти значения и смыслы, которые прольют свет на исторические тенденции и сдвиги в смысловых модальностях. Эдвард Холл уверен, что такие сдвиги очень актуальны для той среды, которую человек находит наиболее подходящей в разное время и для разных культур. Для автора исторические и культурные различия очевидны. Эти различия могут быть не столь заметны для читателей, которые обращают внимание только на содержание.

Обращаясь к творчеству белорусских писателей и их структуре рассмотрения личных и социальных дистанций, необходимо отметить, что большое значение имеет отношение автора к событиям, описываемым в произведении, насколько они близки по духу автору и как они оцениваются героем произведения.

Сближение, обращение к интимной зоне персонажей обычно рассматривается в случае, если героя одолевают сильные

волнения и душевные переживания. Описание чувств персонажа концентрируется не на целостном образе, а на конкретных деталях – часть корпуса становится акцентом, и именно кинематографический «крупный план» воспринимается читателем. Приведем пример описания личной, приближенной дистанции в романе В.С. Короткевича, написанном в жанре исторического памфлета, «Христос приземлился в Гродно».

Главный герой Христос – Юрась Братчик – хочет встретиться с девушкой, своей первой возлюбленной, после долгого расставания.

«И скоро увидел он знакомый сад и яблони с отяжелевшими плодами. Волновалось ожиданием сердце... Отстраняя руками тяжелые ветви, он смотрел на подворье – дом, на богатые хлева, на островерхий страшный забор около них.

И увидел. Женщина рыхлила огород. И он не мог узнать, то она или нет. Огрубевшая от вечной тяжелой работы, широкобедрая, сторбленная на этом черноземе, как огромный белый корч.

Грязь между пальцами ног, плоские ступни, огромная свисающая грудь... Когда она подняла на него тупое лицо, он понял, что это все же она, и чуть не вкрикнул.

Ах, богатый двор, богатый двор! Батраки и батрачки, забор, деньги в шкатулке где-то в подполье (их вечно нет, если надо что-то купить), табуны лошадей и коров, самые богатые и дорогие иконы во всей округе.

– Чего стоишь?.. Иди...

Грубый от вечных дождей и ветров голос.

– Ну.

Глаза Христовы были наполнены слезами» [2, с. 251–252].

Описание личной зоны героя и его первой любви связано с описанием дома, хозяйства, забора, дома, двора, хлева, тем самым подчеркивается невозможность приближения Христа к его первой возлюбленной. «Крупный план» женщины тотчас перемещается в тексте повествования на панорамное представление урочища, где она живет. Тем самым, В. С. Короткевич разъединяет персонажей до недостижимости друг друга.

Приведем еще один пример описания приближенного расстояния (личной зоны) в произведении Алеся Адамовича «Каратели», где персонаж, полицейский Суров, тревожится за свою жизнь, испытывая животный страх, поэтому боится уходить в лес к партизанам. Нежелание говорить напрямую о своем решении подчеркивается внутренним напряжением Сурова («покраснел, как девица»), его напряженной речью, передаваемой автором и жестикуляцией («это, как бы сказать», «мигами и фигами»).

«Суров выслушал, а потом, покраснев, как девица, признался, что это, как бы сказать, не совсем точно – про надежную пятерку. Он, видите ли, сомневается. Разговаривал с одним, со вторым, но все больше мигами и фигами, а окончательное, главное слово произнесено не было. Потому как рискованно, а ему это не нужно, зачем ему? Над ним не каплет.

...Надежнее было, конечно, уйти вдвоем, без всякой попытки увести или разгромить взвод. Суров к этому и клонил: если уж невозможно больше ждать! Знал, знал, гад, что Белый на это не решится. Прийти к партизанам – с чем? С руками в крови по локоть и ждать, что тебя защитит, оправдает попик в золотых очках, которого самого на осине надо вздернуть! А взвод, оружие, пострелянные “майстэры” – это уже дело, это что-то значило бы на партизанских весах» [1, с. 62–63].

Обратимся к представлению в текстах В. С. Короткевича и А. М. Адамовича социальной (отдаленной) дистанции, позволяющей описать панорамное зрелище. В романе В. С. Короткевича «Христос приземлился в Гродно» – это пример языческого служения – черной мессы, которую устроили крестьяне как самосуд над несправедливостью – казнили католического духовного служителя.

«Вокруг были суровые, почти безнадежные, медные лица с резкими черными тенями.

И вдруг за спиной людей, где-то в темноте, начали медленно бить барабаны, реветь дуды, вздыхать бубны. <...>

Толпа, замороженная всем этим, словно забыв о жизни, о том, что ждало в избах из гноя, пришла в движение.

Руки искали другие руки, сплетались. Ноги начали сначала медленно, а потом быстрее топтать землю. <...>

... Трубы... Устремление... Полет...

Все быстрее и быстрее, в безудержном хороводе между костров и вокруг основного, наклоненные вперед, воодушевленные. Возгласы, крики, опьянение.

Ритм стал невыносимый. Летели развеваясь в безудержном полете волосы, мелькали ноги, руки, запрокинутые назад головы. Кое-где, не выдержавшие экстаза, бега, бешеной скорости, начинали падать люди. Но в вихре, в винно-кровавом освещении, в ярости и суматохе, в криках неся, неспособный остановиться, человеческий хоровод.

Словно поднятые огненным ветром, словно вправду в вечном Дантовом хороводе, в ежеминутном падении и взлете и, как будто в воздухе, не чувствуя земли под ногами, мчались они.

Вихрь, ураган, ветер самих столетий на лице. Забытье разума и самого себя. Ад, вечный огонь, сумасшедший вечный полет самой жизни» [2, с. 272–273].

В этом отрывке из произведения В. С. Короткевича «Христос приземлился в Гродно» читателю передаются чувства писателя, охваченного зрелищем языческого культа. Каждое движение в черной мессе, каждое действие направлено на объединение людей в общий круг, в центр, притом сближение идет по всеобщему единению мыслей и порывов. Разрушение личной зоны в эмпатическом порыве объединения описано в панорамном представлении.

Наиболее значительная социальная дистанция описана в произведении Алеся Адамовича «Каратели», где действующие лица, немецкие офицеры, отдаляются на значительное расстояние от эпицентра действия. В тексте акцентируется реакция к отдалению от враждебного этноса белорусов, даже если белорусы выступают в роли жертвы в сюжете произведения.

«Уже перестал бить последний пулемет, уже затихло гумно, совсем затихло, и хорошо слышны стали жадные, жирные всплески пламени, черный треск и чавканье в клубах грязно-желтого дыма. И тут вдруг медленно, как во сне, стали расходиться, рас-

крываться ворота. Видно, сорвали сумасшедшей стрельбой все запоры-завалы, потому что давно никто уже не бился, не напирал изнутри и никто из ворот не вышел, не выбежал. Каратели, в начале насторожившиеся, когда поняли это и поверили в полный порядок и тишину за воротами и стенами, начали постепенно отступать подальше от огня и приближаться к школе. Грязно-желтый дым все гуще наливался жирной смолюю, тошнотная горячая вонь далеко к школе оттеснила, загнала офицеров» [1, с. 174].

Приведенные примеры из художественных произведений В. С. Короткевича и А. М. Адамовича позволяют увидеть приемы, которые белорусские писатели использовали для показа личной и социальной дистанции в тексте художественных произведений.

Если персонаж стремится к сближению дистанции с другим действующим лицом, то автор приближает персонажей описанием кадрирования («крупного плана») персонажей. По мере развития событий, автор или приближает героя, или, наоборот, отдаляет его, не позволяя сблизиться, делая акцент на панораме места действия.

Прием дистанцирования автора, в том числе, и читателя, от места действия используется при описании массовых сцен. В «черной мессе» В. С. Короткевич описывает сближение людей, используя приемы разрушения личной зоны, где персонажи не имеют возможности видеть друг друга. Люди сближаются, объединяясь по социальному и этническому признаку. В то время как при описании сцены карателей и гибели людей в гумне, А. М. Адамович отдаляет немецких офицеров от эпицентра действия – сожжения мирных жителей в гумне – на максимальное расстояние. Это обстоятельство формирует представление читателя о недостижимом расстоянии между карателями и их жертвами.

На основании проведенного анализа текстов художественной литературы, используя концепцию дистанцирования Эдварда Т. Холла, выделим основные закономерности, позволяющие анализировать литературные тексты с помощью применения структурного анализа:

– языки цивилизованных народов наполнены множеством качественных и количественных характеристик расстояния, что позволяет применять их не только для измерения и осознания действительности, но и для обращения к воображению собеседников и читателей;

– выявлены закономерности в принципах дистанцирования в художественных произведениях. Эдвард Т. Холл акцентирует, что размеры дистанции между собеседниками влияют на форму беседы и смысл общения. Дальняя (социальная) дистанция позволяет собеседнику больше рассуждать, осмысливая беседу, в то время как близкая (личная) дистанция не способствует объективным суждениям, она нацелена на физическое сближение собеседников, манипулирование;

– в художественных текстах белорусских писателей В. С. Короткевича и А. М. Адамовича демонстрируется представление о семиотическом значении событий через показ дистанции панорамного или крупного плана персонажей:

– для демонстрации чувств героя В. С. Короткевич использует близкую личную дистанцию, словно «кадрируя» и кинематографически приближая объекты окружающей реальности. В момент, когда Юрась Братчик разочаровывается в возлюбленной, воображаемая дистанция увеличивается у героя с возлюбленной. Он «видит» только объекты отдаленные – «дом», «двор», «хлева», «забор», «подполье». Панорамное описание «черной мессы» В. С. Короткевича не позволяет видеть лица людей, но дает возможность увидеть объединение людей с общей целью. Интимная зона, в этом случае, не учитывается, поскольку важным становится единение людей;

– сближение персонажей в художественном тексте А. М. Адамовича демонстрирует невербальное общение, позволяющее понять друг друга собеседникам без слов. В то время как дальняя дистанция, на уровне панорамы действия, отдаляет персонажей действия, немецких офицеров, от враждебной культуры белорусского крестьянства.

Література

1. Адамович, А. Каратели: Радость ножа, или Жизнеописание гипербореев / А. Адамович. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 208 с.
2. Караткевіч, У. Хрыстос прыямліўся ў Гародні / У. Каракевіч. Раман. – Мінск : “Беллітфонд”, 2000. – 496 с.
3. Hall, E. T. The Hidden Dimension / E. T. Hall. – Reprint. Originally published: Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966. – Ancor Book Editions, 1990. – 219 p.